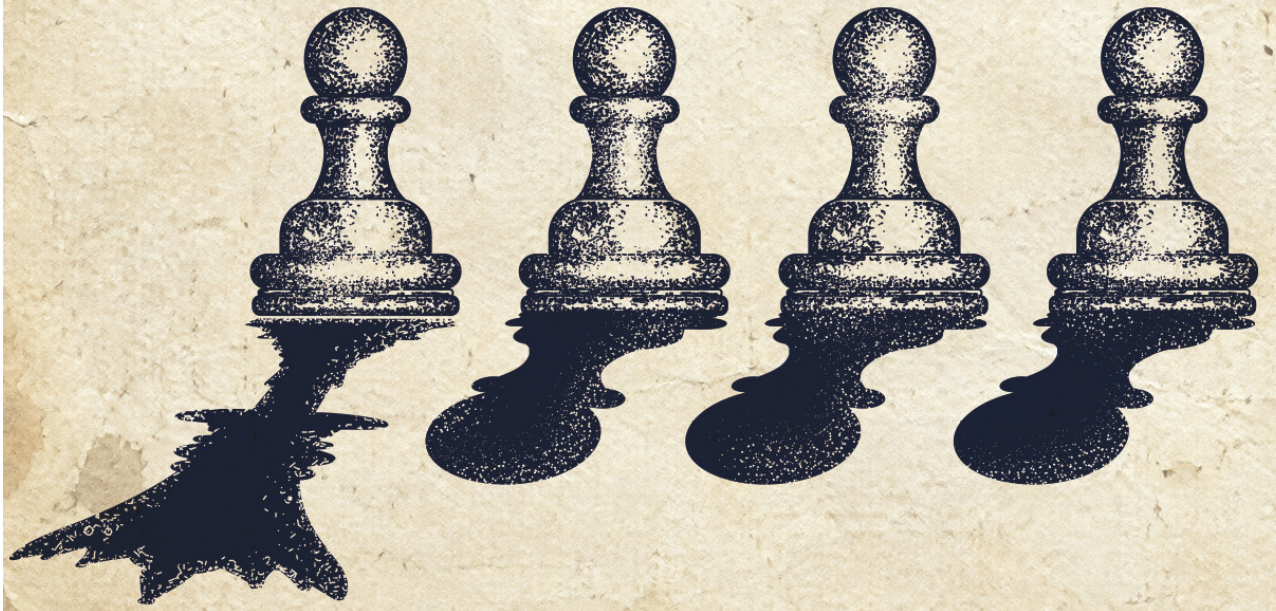
АРТУР ШОПЕНГАУЭР

Выдающийся немецкий философ-иррационалист

ИСКУССТВО ПОБЕЖДАТЬ В СПОРАХ

МЫСЛИ

ВСЯКИЙ ЧЕЛОВЕК УЖЕ ОТ ПРИРОДЫ ЖЕЛАЕТ ВСЕГДА БЫТЬ ПРАВЫМ

Философия в кармане

Артур Шопенгауэр

Искусство побеждать в спорах. Мысли

«Эксмо»
1831, 1841, 1851

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)

Шопенгауэр А.

Искусство побеждать в спорах. Мысли / А. Шопенгауэр — «Эксмо», 1831, 1841, 1851 — (Философия в кармане)

ISBN 978-5-04-257841-0

Артур Шопенгауэр – один из самых узнаваемых философов XIX века – умел замечать то, что скрыто за громкими словами. «Искусство побеждать в спорах» – разбор методов словесного противоборства и уловок, которыми люди пользуются, чтобы отстоять свою правоту. В «Мыслях» Шопенгауэр рассуждает о человеческих страданиях, знаниях, признании и независимости ума, развивая идеи, раскрытые в главном труде философа – «Мир как воля и представление». О чем эта книга? – Почему стремление победить в споре часто оказывается сильнее стремления прийти к истине? – Как распознать уловки, подмену аргументов и переход на личности? – Чем собственное понимание отличается от знания, перенятого у других? – Как взгляд на человека и на мир связан с размышлениями о страдании и воле? Этот сборник подойдет любителям философской классики, читателям, интересующимся психологией общения, и всем, кто хочет лучше замечать, что стоит за словами – чужими и собственными.

УДК 1(091)(430)
ББК 87.3(4Гем)

ISBN 978-5-04-257841-0

© Шопенгауэр А., 1831, 1841, 1851
© Эксмо, 1831, 1841, 1851

Содержание

Искусство побеждать в спорах 6
Эристика 6
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Артур Шопенгауэр
Искусство побеждать в спорах. Мысли

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Искусство побеждать в спорах

Эристика

Слова «логика» и «диалектика» уже в древности употреблялись и считались синонимами, хотя глаголы «λογιζεσθαι» – обсуждать, думать, соображать и «διαλεγεσθαι» – беседовать – два совершенно различных понятия.

Подобное употребление этих выражений существовало в Средние века и даже встречается иногда и по сию пору. В новейшие времена слово «диалектика» употреблялось некоторыми учеными, в особенности Кантом, в отрицательном смысле, которые называли ее «софистическим способом вести прения» и по этой причине выше ставили слово «логика», как более невинное выражение данного понятия. Собственно же говоря, эти оба слова имеют совершенно одинаковое значение, поэтому за последние годы на них опять стали смотреть зачастую как на синонимические выражения.

Такое положение вещей меня несколько стесняет и не дает возможности так, как хотелось бы, оттенить и отделить эти две науки: логику и диалектику. По моему мнению, логике можно дать такое определение: «наука о законах мышления, или способы деятельности разума» (от глагола «обдумывать, обсуждать», происходящего в свою очередь от слов «разум» или «слово»); диалектика же, употребляя это выражение в современном значении, есть «искусство вести прения и споры или разговоры». Всякий разговор основан на приведении фактов или взглядов, то есть один раз бывает историческим, другой раз что-либо разбирает или рассматривает. Отсюда очевидно, что предмет логики дан целиком *a priori*, без всякой примеси чего-либо исторического, или что в область этой науки входят общие законы мышления, которым подчиняется всякий ум в тот момент, когда он предоставлен самому себе, когда ничто ему не мешает, следовательно, в период уединенного мышления разумного существа, которого ничто не вводит в заблуждение. Наоборот, диалектика рассматривает одновременную деятельность двух разумных существ, которые думают в одно и то же время, откуда, конечно, возникает спор, то есть духовная борьба. Оба существа обладают чистым разумом, и потому они должны бы были согласиться друг с другом; на самом деле такого согласия нет, и это несогласие зависит от различных индивидуальностей, присущих субъектам, и потому должно считаться элементом эмпирическим. Таким образом, логику, как науку мышления, то есть деятельности чистого разума, можно было бы построить совершенно *a priori*; диалектику же, по большей части, только *a posteriori*, после практического уразумения тех перемен, которым подвергается чистая мысль как результат индивидуальных различий при одновременном мышлении двух разумных существ, а также после ознакомления со средствами, которые употребляет каждый из них для того, чтобы выставить свои индивидуальные мысли чистыми и объективными. А это происходит по той причине, что всякому человеку свойственно при совместном мышлении, то есть стоит ему только узнать, при взаимном обмене взглядов (кроме исторических разговоров), что чьи-либо мысли относительно данного предмета отличаются от его собственных,

то он, вместо того чтобы прежде всего проверить свою мысль, всегда предпочитает допустить ошибку в чужой мысли. Другими словами, всякий человек уже от природы желает всегда быть правым; тому именно, что возникает из этой особенности людей, учит нас одна отрасль науки, которую я хотел бы назвать «диалектикой» или, для устранения возможного недоразумения, «эристической диалектикой».

Таким образом, это наука о стремлении человека показать, что он всегда бывает прав. «Эристика» – только более резкое название данного предмета.

«Эристическая диалектика», следовательно, есть искусство вести споры, но таким образом, чтобы всегда оставаться правым, то есть *per fas et nefas*. В конце концов, объективно можно быть правым и не казаться таковым другим, а даже очень часто и самому себе; это бывает в том случае, когда противник опровергает наши доводы и когда это сходит за опровержение всего спорного тезиса, в доказательство которого может существовать много других, не приведенных нами в данную минуту доводов. В таких случаях противник окружает себя ложным светом, кажется человеком, имеющим резон, а на самом деле кругом неправ. Итак, истина спорного вопроса, взятая объективно, и сила правоты или резона в глазах спорящих и слушателей – вещи совершенно различные; эристическая же диалектика всецело основана на последней.

Если бы в природе людей не существовало зла, если бы мы были совершенно честны при каждом обмене мыслей, тогда, безусловно, мы единственно старались бы добиться правды и не обращали внимания, чей взгляд справедлив: высказанный ли первоначально нами самими, или же нашим противником. К этому последнему взгляду мы отнеслись бы совершенно равнодушно, или, по крайней мере, не придавали бы ему такого важного значения. Теперь же, наоборот, это составляет вещь первостепенной важности. Наш мозг весьма раздражителен во всем, что касается интеллектуальных сил, и никак не хочет согласиться, чтобы было ошибочно то, что мы сказали первоначально, а то, что сказал противник – справедливо. Имея в виду это обстоятельство, следовало бы каждому человеку высказывать только правильные мнения, а потому сперва думать, а потом говорить. Но кроме врожденного мышления большинству людей еще свойственны болтливость и врожденная недобросовестность. Говорим о чем-нибудь, совершенно не подумавши, и потом даже, если мы вскоре заметим, что наше мнение ложно и лишено основания, все-таки стремимся доказать во что бы то ни стало совершенно противное. Любовь к правде, которая в большинстве случаев была единственным побуждением постановки тезиса, кажущимся правдивым, совершенно уступает место любви к собственному мнению; так что правда, таким образом, кажется ложью, а ложь правдой.

Однако и эта недобросовестность, эта настойчивая защита тезиса, фальшь, которую мы сами сознаем отлично, имеет достаточное основание. Очень часто при начале разговора мы бываем глубоко убеждены в справедливости нашего суждения, но потом аргумент противника настолько силен, что опровергает и разбивает нас; если мы сразу откажемся от своего убеждения, то весьма возможно, что впоследствии убедимся, что мы были правы, но что наше доказательство было ошибочным. Для защиты нашего тезиса, может быть, и были веские доводы и доказательства, но как раз на наше несчастье такой избавитель-аргумент не пришел нам в голову. Таким образом, мы создаем себе правило ведения споров с аргументами основательными и доказывающими предмет, и в то же время допускаем, что резонность противника только кажущаяся, и что во время спора можем случайно попасть на такой довод, который или разобьет окончательно аргумент противника, или каким-либо иным образом обнаружит несправедливость мнения противника.

Благодаря этому, если мы и не принуждены непременно быть в споре недобросовестными, то, по крайней мере, легко очень можем случайно сделаться ими. Так взаимно поддерживают друг друга немощь нашего суждения и превратность нашей воли. Отсюда происходит, что ведущий диспут борется не за правду, но за свой тезис, как *pro ara et focis* – за самое дорогое, ведет дело *per fas et nefas* – всеми правдами и неправдами и, как я раньше заметил,

нелегко может освободиться от этого. Всякий стремится одержать верх даже в том случае, когда отлично сознает, что его мнение ложно и ошибочно или сомнительно.

Макиавелли советует князю пользоваться каждой минутой слабости своего соседа, чтобы напасть на него, потому что в противном случае этот же сосед может воспользоваться его минутной слабостью. Совсем иное дело, если бы господствовала правда и искренность; но нет возможности ни рассчитывать на них, ни руководствоваться этими принципами, потому что за такие хорошие качества награда бывает весьма плохая. Таким же образом следует поступать в споре. Весьма сомнительно, отплатит ли тебе противник тем же, если ты в споре отдашь ему справедливость, когда эта справедливость только кажущаяся; почти наверно можно сказать, что он не будет великодушничать, а поведет дело *per nefas* – не считаясь с правилами; а отсюда вывод, что и ты должен поступать так же. Легко соглашусь с тем, что всегда надо стремиться к правде и что не надо быть пристрастным к собственным взглядам; но откуда знать, будет ли другой человек придерживаться того же мнения, что и мы.

Помощниками в проведении тезиса могут служить в известной степени собственная ловкость и пронырливость. Этому искусству поучает человека ежедневный опыт, так что каждый имеет собственную, природную диалектику, как и собственную логику, с тою только разницею, что первая не такая верная, как последняя. Люди редко думают и выводят заключения, противные законам логики, ложные суждения весьма часты, но ложные заключения очень редки. Вот почему редко можно найти человека с недостатком собственной природной логики и так часто с недостатком природной диалектики. Диалектика – дар природы, распределенной неравномерно, и потому она похожа на способность судить о вещах, способность, распределенную весьма неровно, между тем как здравый разум, собственно говоря, распределяется довольно равномерно. Очень часто бывает, что кажущаяся аргументация сбивает и опровергает то, что по существу своему совершенно справедливо и резонно, и, наоборот, вышедший из спора победителем очень часто не столько обязан справедливости суждения при защите своего мнения, сколько искусству и ловкости. Врожденный талант здесь, как и во всем, играет первую роль. Однако упражнение и рассматривание различных способов, при помощи которых можно опровергнуть противника или которые сам противник употребляет для доказательства своих мыслей, служат хорошим руководством в данном искусстве. Вот почему логика не имеет никакого практического значения, а, наоборот, диалектика обладает им в значительной степени. По моему мнению, Аристотель построил свою логику, то есть аналитику, исключительно таким образом, чтобы она служила основой и вступлением к диалектике. Логика занимается только формой утверждений, диалектика же исследует их суть и материю; поэтому исследование формы как общей вещи должно предшествовать исследованию сути или подробностей. Аристотель не оттеняет так сильно, как я, цели диалектики: правда, он указывает на диспут как на главную цель, но в то же время как на стремление к отысканию правды. Далее он говорит: «Надо рассматривать утверждения с философской точки зрения, согласно с их правдой, и с точки зрения диалектической, согласно с их очевидностию и мышлением других людей». Правда, Аристотель признает независимость и разницу между объективной правдой тезиса и чьим-либо подтверждением этого тезиса, но делает это признание только вскользь, дабы приписать это значение исключительно диалектике. Вот почему его правила, касающиеся диалектики, часто смешиваются с такими правилами, цель которых – отыскивание правды. Поэтому мне кажется, что Аристотель не вполне выполнил свою задачу, стараясь в своей книжке «*De sophisticis elenchis*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.